

Конструкции с депиктивными второстепенными предикатами со своим собственным грамматическим субъектом в сибирских тюркских языках

И. А. Невская

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Аннотация. Данная статья посвящена описанию депиктивов в южносибирских тюркских языках, а также выделению депиктивных конструкций особого типа – конструкций с собственным грамматическим субъектом, которые пока еще в типологических исследованиях по депиктивам не рассматривались.

Конструкции с так называемыми депиктивными второстепенными предикатами соотносят с субъектом более чем один предикативный признак: *пришла веселой, вернулся израненным, ел мясо сырым*. Наше исследование показало, что депиктивы имеют особенности выражения в разных тюркских языках Сибири как между собой, так и по сравнению с огузскими и кыпчакскими языками. Эти отличия проявляются в способности использовать прилагательные без какого-либо грамматического оформления в функции депиктивов, или в их обязательном оформлении дательным падежом или послелогами, в наличии послелога, маркирующего депиктивный предикат с объектным контроллером, в наличии или отсутствии абстрактных существительных со значением ‘состояние, форма’ и т. д.

Мы выделяем особый тип депиктивных конструкций, которые имеют свой собственный грамматический субъект, т. е. формально представляют собой отдельную предикативную единицу. Такие депиктивы имеют особые ограничения на свою структуру и семантику: их субъект получает обязательное посессивное оформление и представляет собой физическую или иную часть субъекта главной части; такие депиктивы выражают физическое или психическое состояние субъекта главной части. Они имеют тенденцию подвергаться лексикализации и превращению в составные прилагательные или наречия.

Невская И. А. Конструкции с депиктивными второстепенными предикатами со своим собственным грамматическим субъектом в сибирских тюркских языках // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 327–344.

Ключевые слова: южносибирские тюркские языки, депиктивные второстепенные предикаты, структурные и семантические типы депиктивов, лексикализация.

УДК 811.512.1'367

DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-327-344

Контактная информация: Невская Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, nevskayairina60@gmail.com)

1. Понятие конструкций со второстепенными депиктивными предикатами и их изучение в типологии и тюркологии

Конструкции с так называемыми депиктивными второстепенными предикатами соотносят с субъектом более чем один предикативный признак: *пришла веселой, вернулся израненным, шла босиком*. Они описывались в языках разных систем (см., например: [Paul, 1919; Halliday, 1967; Nichols, 1978; Plank, 1985; Тыбыкова, 1988; Невская, 1998] и др.). Депиктивный предикат выражен именем или именной формой глагола и синтаксически зависим от финитного, основного, предиката, является его адьюнктом и часто рассматривается как обстоятельство образа действия. Однако депиктивный предикат семантически (иногда и формально: *пришла усталая ~ пришёл усталым*) соотносится с субъектом главного глагольного действия, выступая в качестве его второстепенного предикативного признака. Именной компонент в составе таких конструкций называют в лингвистической терминологии по-разному: *predicativum* в латинском языкознании (например: [Pinkster, 1988]), *predicative attribute* [Paul, 1919; Halliday, 1967], *copredicate* [Nichols, 1978; Plank, 1985], *depictive secondary predicate* или просто *depictive* [Schultze-Berndt, & Himmelmann, 2004]. Такие предикаты могут быть соотнесены и с другими именными компонентами предложения; например, с объектом: *Он ел мясо сырым*. Именной компонент, который выступает в качестве носителя предикативного признака, выраженного депиктивным предикатом, называют его *контроллером* [Schultze-Berndt & Himmelmann, 2004]. В таких конструкциях в качестве основного глагольного предиката обычно выступает глагол движения, состояния и изменения состояния, а депиктивный предикат передает физическое или психологическое состояние своего контроллера (*живой / мертвый, старый / молодой, голодный / сытый, пьяный / трезвый, сырой / вареный* и т. д.).

Учитывая достижения типологии по разработке данной категории [Schultze-Berndt, Himmelmann, 2004, p. 77–78; Nichols, 1978; Plank, 1985; Pinkster, 1988; Koizumi, 1994], можно перечислить следующие признаки конструкций с депиктивными предикатами: 1) это предложения, содержащие два предиката: один из них основной, второй – второстепенный, выражающий действие, происходящее внутри временных рамок действия основного предиката; 2) депиктив формально и семантически связан с одним из участников действия основного предиката, т. е. контролируется им; 3) депиктив не образует сложное или составное сказуемое совместно с основным предикатом; 4) депиктив не является ни компонентом основного предиката, ни определением своего контроллера; 5) депиктив принад-

лежит к той же просодической единице, что и основной предикат; 6) депиктив зависит от основного предиката и разделяет его временные и модальные характеристики, например, сферу действия (скопус) отрицания; 7) конструкции с депиктивными предикатами допускают трансформацию в бипредикативные конструкции с соединительным союзом «и», если в данном языке такой союз имеется.

Пятый и шестой признаки являются, пожалуй, наиболее симптоматичными для выделения депиктивных предикатов в том случае, если некая конструкция может иметь две (или более) различных интерпретации, что часто происходит, если прилагательное и наречие не различаются по своей фонетической форме, т. е. являются омонимами.

Так, для конструкции (1а) и (1б) с депиктивным предикатом (1а) и с предикатом зависимой предикативной единицы (1б) различительным является наличие или отсутствие паузы перед *wütend* 'возмущенный'. В первом случае это депиктивный второстепенный предикат, входящий в просодическую единицу главного предиката, во втором – это основной предикат зависимой предикативной единицы.

- нем. (1) а. *Er hat die Party wütend verlassen.*
 'Он ушел с вечеринки возмущенным.'
 б. *Er hat er die Party verlassen, wütend.*
 'Он ушел с вечеринки, возмущенный.'
 в. *Er hat die Party wütend verlassen.*
 'Он ушел с вечеринки возмущенно.'
 г. *Er, wütend, hat die Party verlassen.*
 'Он, возмущенный, ушел с вечеринки.'

Скопус отрицания в конструкциях с депиктивными предикатами един: если мы отрицаем действие, выраженное главным предикатом, то отрицается и сумма действий главного и депиктивного предикатов: *Он не ушёл возмущенным* = *Он ушёл, но уже не был возмущенным*, или *Он оставался, пока был возмущенным*. В конструкциях с *wütend* в качестве предиката зависимой единицы отрицается только действие главного предиката: *Возмущенный, он ушел с вечеринки* / *Возмущенный, он не ушел с вечеринки*, – т. е. он был возмущенным независимо от того, ушел он или нет.

Эти признаки помогают отличать депиктивные второстепенные предикаты и от других сходных явлений:

1) от обстоятельства образа действия (1в), сравните: *Он ушел с вечеринки возмущенным* / *возмущенно*. В (1в) речь идет о том, как он покинул вечеринку, т. е. это обстоятельство образа действия, которое и грамматически и семантически связано с глаголом; в (1а) о том, в каком состоянии он ее покинул (покинул, будучи сердитым);

2) от предикативов в составе именованного сказуемого и от комплементов главного предиката: *казался возмущенным* (сомнительна трансформация: **он казался и был возмущенным*, т. е. здесь нет комбинации двух предикативных признаков субъекта состояния или действия); см. также *его выбрали председателем*, где *председателем* является комплементом глагола *выбрали* (сомнительна трансформация: **его выбрали и был председателем*: такое сочленение данных пропозиций возможно только в двух разных временных пластах: сначала его выбрали и потом он был председателем);

3) от аппозиций (т. е. приложений), см. (1г): *он, возмущенный, ушел* > *Он был возмущенным, когда он ушел* – здесь *возмущенный* является аппозицией при подлежащем; она выделяется паузами, т. е. не принадлежит к просодической единице главного предиката, при этом отрицание на главном предикате не отрицает той пропозиции, которую она выражает; аналогично: *Я, учитель, не могу себе этого позволить* – *Будучи учителем, я не могу себе этого позволить*;

4) от результатов: *напился пьяным*, где действие результативного второстепенного предиката не протекает в том же периоде времени, что и действие главного, а наступает после него: *пока пил, не был (полностью) пьян*, а достиг данного состояния в результате действия главного глагола.

В последние десятилетия конструкции с депиктивными предикатами изучались как с точки зрения их теоретического обоснования и обобщения их структурных типов [Schultze-Berndt, Himmelmann, 2004], так и с точки зрения их функционирования в языках разных систем [Schroeder et al., 2008]. В тюркологии они изучались в плане их противопоставления обстоятельствам образа действия в турецком и немецком языках [Schroeder, 2004]; отдельные типы депиктивных конструкций были отмечены в алтайском и шорском языках, хотя термин «депиктив» авторами не употреблялся [Тыбыкова, 1988; Невская, 1998]. Позже автором данной статьи и ее соавторами было проведено исследование депиктивов в тюркских языках Южной Сибири [Nevskaya, 2008], в казахском [Nevskaya, Tazhybaeva, 2012] и в уйгурском языке [Mentimin, Nevskaya, 2012]. Результаты данных исследований были нами применены для сравнительно-сопоставительного исследования структурно-семантических типов тюркских депиктивов, а также ареалов их распространения [Невская, 2011а; 2011б]. Деепричастиям в качестве депиктивных предикатов посвящена статья [Nevskaya, 2010], а в [Nevskaya, 2014; Невская, 2015] мы описывали южносибирские депиктивы в их противопоставлении конструкциям с результативными второстепенными предикатами.

Данная статья посвящена значительно переработанному и расширенному описанию депиктивов в южносибирских тюркских языках, а также выделению депиктивных конструкций особого типа – конструкций с собственным грамматическим субъектом, которые пока еще в типологических исследованиях по депиктивам не рассматривались.

2. Структурно-семантические типы депиктивных второстепенных предикатов в сибирских тюркских языках

В предыдущих исследованиях нами были выделены основные типы депиктивных предикатов в сибирских тюркских языках [Nevskaya, 2008; Невская, 2011а]. Мы представляем их наиболее частотные типы.

Прилагательные как депиктивные предикаты

Этот тип депиктивных конструкций широко распространен в турецком языке [Schroeder, 2004], но для большинства сибирских языков он редок. Ограничения на использование прилагательного как депиктива отмечены и в языках различных систем [Auwera, Malchukov, 2005] В алтайском языке с субъектным контроллером наиболее употребителен депиктив *qalanjı* ‘слегка захмелевший’ (2в), в шорском – *ezirik* ‘пьяный’ (2а). С объектными контроллерами можно в шорском употребить прилагательные, описывающие физическое состояние употребляемых в пищу продуктов (2б), но в алтайском они должны быть оформлены дательным падежом, видимо, в темпоральном значении, см. (2г): холодным, т. е. уже в холодном состоянии. В хакасском, похоже, таких ограничений нет, прилагательное в форме своей основы употребляется, как и в шорском, и с субъектным (2д) и с объектным (2е) контроллером. Все они выражают физическое или иное состояние субъекта или объекта действия.

- (2) а. шор: *Ol ezirik kel-d-i.*
он пьяный прийти-PST-3
‘Он пришел пьяным.’ – субъектный контроллер.
- б. *Ol řay-nı sooq iř-ća.*
он чай-ACC холодный пить-PRS
‘Он пьет чай холодным.’ – объектный контроллер.
- в. алт. *Ol qalanjı kel-d-i.*
он захмелевший прийти-PST-3
‘Он пришел захмелевшим.’ – субъектный контроллер.
- г. *Ol řay-nı izü-ge le iř-er.*
он чай-ACC горячий-DAT PTCL пить-AOR
‘Он пьет чай только холодным.’ – объектный контроллер.
- д. хака. *Ol izirik kil-gen.*
он пьяный прийти-PST-3
‘Он пришел пьяным.’ – субъектный контроллер.
- е. *Ařa-řar-nı pray al-ıř*
money-POSS2PL-ACC целый взять-CVB
al-iřar!
взять:AUX-IMP2PL
‘Возьмите ваши деньги целиком (досл.: целыми)!’ – объектный контроллер.

Тувинский язык прилагательные в форме основы как депиктивы не использует. С субъектным контроллером для передачи данной семантики используется полипредикативная конструкция с именным зависимым предикатом с инфинитивной связкой – глаголом со значением ‘стоять’ в деепричастной форме, см. (3а). С объектным контроллером используется прилагательное с показателем датель-

ного падежа (3б). В шорском и хакасском языках прилагательные в форме дательного падежа также используются как депиктивы с той разницей, что в алтайском использование прилагательных в форме основы возможно только для субъектных депиктивов, а в тувинском оно вообще не встречается. Соответственно, нет и оппозиции форм с дательным падежом и без него. В хакасском и шорском такая оппозиция есть. Депиктивы в дательном падеже имеют темпоральные коннотации, т. е. пока / когда субъект находится в данном состоянии, происходит действие главного глагола, см. (3в) и (3г).

- (3) а. тув. *Ol anıyaq tur-yaş çoq.apar-yan.*
он молодой стоять:AUX-CVB умереть-PERF
'Он умер молодым (досл.: он умер, будучи молодым).' – субъектный контроллер.
- б. *Ol et-ti çig-ge çı-ir.*
он мясо-ACC сырой-DAT есть-AOR
'Он ест мясо сырым.' – объектный контроллер.
- в. хак. *Ol çit-ke üreen.*
он молодой-DAT умереть:PERF
'He died young.' – субъектный контроллер.
- г. *Ol çey-nı ız-ge/sooç-ça iz-ibis-ken.*
он чай-ACC горячий-DAT / холодный-DAT
пить-PFV-PERF
'Он пьет чай горячим / холодным.' – объектный контроллер.

Относительные прилагательные со словообразовательным аффиксом *-лыз*, обозначающим владение тем, что названо мотивирующей основой, широко используются как субъектные депиктивы в южносибирских тюркских языках. Их отрицательными коррелятами являются привативные прилагательные, образованные постпонирующей частицей *çоq* (исторически именной предикат отсутствия *çоq* 'отсутствующий'). Они характеризуют субъект по его обладанию или необладанию некими объектами или качествами, по его физическому, психическому или социальному состоянию, внешности и т. д.: шор. *pala-liy (nan-d-i)* '(вернулась) с ребенком (досл.: имеющей ребенка)', алт. *d'arash öñdörlü* 'красочный (досл.: с красивыми красками)', см. (4а), алт. *ep-nayıraldıy* '(жили) в гармонии и согласии (досл.: имеющими гармонию-согласие)', см. (4б), тув. *xeу-a't-tiy* '(пришла) в хорошем настроении (досл.: имеющей хорошее настроение)', см. (4в), *baуay beletkel-dig* 'в хорошей форме', см. (4г).

Объектные депиктивы данного структурного типа были нами выделены только в шорском и хакасском, см. (4д). Такие депиктивы могут принимать показатель дательного падежа с ограничениями, действующими в разных языках Южной Сибири и в отношении производных прилагательных; так, в тувинском дательное оформление обязательно и для посессивных объектных депиктивов (4е).

- (4) а. алт. *Küzün ıyaş-tar dıqa çarash öñ-ner-lig*
осенью дерево-PL так красивый цветPL-с
tur-ar.
стоять-AOR

- ‘Осенью деревья стоят такие красочные (досл.: с такими красивыми красками).’ – субъектный контроллер.
- б. *Olar ep-naııral-dıy čurta-p tur-ıan-nar.*
они гармония-с жить-GER стоять:AUX-PF-PL
‘Они жили в мире и согласии.’ – субъектный контроллер.
- в. тув. *Ol bis-ke kezäade xey-a't-tıy kel-ir*
она мы-DAT всегда настроение-с прийти-AOR
tur-ıan.
стоять:AUX-PF
‘Она всегда приходит к нам в хорошем настроении.’ – субъектный контроллер.
- г. *Sportüü marıyldaa-že bayay beletkel-dig*
спортсмен соревнование-DIR плохой готовность-с
čor-ırqan.
ехать-PF
‘Спортсмен поехал на соревнование в плохой форме (досл.: с плохой готовностью).’ – субъектный контроллер.
- д. хак. *Ol čey-ni süit čoı saıar-li is-če.*
он чай-ACC молоко без сахар-с пить-AOR
‘Он пьет чай без молока с сахаром.’ – объектный контроллер.
- е. тув. *Ol šay-ni süit čoq-qa iž-er.*
он чай-ACC молоко без-DAT пить-AOR
‘Он пьет чай без молока.’ – объектный контроллер.

В тувинском языке прилагательные обладания / необладания предметом в роли объектных депиктивов используются и с послелогоми *qıldır* и *turda*, которые произошли от глаголов со значением ‘делать’ и ‘стоять’. Последний используется в качестве связочного при именных предикатах, но тут они оба предстают в стяженных формах. *Turda* обозначает пребывание своего семантического субъекта во временном состоянии, а *qıldır* приведение своего субъекта в иное состояние, досл.: ‘сделав сладким’, см. (5а). Они оба используются с объектными контроллерами, см. (5а) и (5б). В (5в) контроллер депиктивного предиката является семантическим объектом каузативного главного глагола, хотя и является его грамматическим субъектом.

- тув.
- (5) 1. тув. *Ol šay-ni čigir-lig qıldır iž-er.*
он чай-ACC сахар-с POST пить-AOR
‘Она пьет чай с сахаром.’ – с объектным контроллером.
2. *Ol qaday-in iš-tig turda qaapqan*

- он жена-POSS3ACC живот-с POST оставить:GER:PF
 ‘Он оставил жену беременной (в беременном состоянии).’ –
 с объектным контроллером.
3. *Ol kezäade çay çoq qıldır sayındır-ar*
 он всегда чай без POST заставить.думать-AOR
tur-yan.
 стоять:AUX-PF
 ‘Он казался (т. е. заставлял считать себя) всегда занятым
 (досл.: без времени).’ – с объектным контроллером.

Эмфатические элативные прилагательные, образованные частичной или полной редупликацией основы используются во всех сибирских тюркских языках как с субъектным так и с объектным контроллером; см. (6а) и (6б).

- (6) а. тув. *Ol бүдүн-бүрүн kel-d-i*
 он целый-целый прийти-PST-3
 ‘Он пришел полностью целым и невредимым.’ –
 субъектный контроллер.
- б. *Siler-ge onu бүдүн-бүрүн ber-ip*
 вы:PL-DAT он:ACC целый-целый дать-GER
tur men.
 стоять:AUX я
 ‘Я отдаю его вам полностью целым и невредимым.’ –
 объектный контроллер.

*Падежные формы имен существительных
 и их сочетания с послелогоми в функции депиктивов*

Имена в локативном и инструментальном падежах используются как субъектные и объектные депиктивы в сибирских тюркских языках. В тюркских языках Средней Азии и в турецком подобные депиктивы с локативным падежом являются очень частотными, поскольку там широко используются аналитические депиктивы, построенные по схеме: *adjective hal-LOC* «в каком состоянии», где задействованы качественные прилагательные и заимствованные из арабского слова типа *hal* с основной семой ‘состояние’. В сибирских тюркских языках таких заимствований нет. В них в основном употребляются слова с семантикой ‘время’ (7а), послелог ‘между’, произошедший от грамматикализовавшегося имени существительного ‘промежуток, пространство между двумя или более объектами’ (7б). Существительные или субстантивированные прилагательные в инструментальном падеже или с инструментальным послелогом также выступают как их структурное соответствие в сибирских тюркских языках; см. (7в).

- (7) б. алт. *Ol d'aş tuş-ta božo-ğon.*
 он молодой время-LOC умереть-PERF
 ‘Он умер молодым (досл.: в молодое время).’ –
 субъектный контроллер.

- б. тув. *Ol emnelge-den onu ölüg-dirig*
он больница-ABL он:ACC мертвый-живой
ara-zin-da ar-al-γan.
между-POSS3-LOC взять:CVB-взять:AUX-PERF
'Она забрала его из больницы полуживым
(досл.: между живым и мертвым).' – объектный контроллер.
- в. тув. *Aqşa-nı bürün-ü-bile ar*
деньги-ACC целый-POSS3-INST брат:GER
al-ıγar.
брат:AUX-IMP2PL
'Получите ваши деньги полностью (досл.: с целостью)!' –
объектный контроллер

Наиболее значительную группу предикатов данного структурного типа составляют с депиктивными конструкции с послелогом *bolup*, который является деепричастной формой на *-(X)p* бытийного глагола *bol-*. Эта форма часто подвергается стяжению: *polup / bolup / polip / bolup // pool / bool / pol / bol // poop / boop / pop / bor*. Эти предикаты всегда имеют субъектный контроллер и передают семантику роли или функции субъекта главного глагола; см. (8).

- (8) а. тув. *Ol başqı bolup aźilda-p ğoraan.*
он учитель POST работать-CV ходить:AUX.PF
'Он работает учителем.'
- б. алт. *Aq qoyon bolup kel-d-i.*
белый заяц POST прийти-PST-3
'Он пришел в облике зайца.'
- в. шор. *Alında men paу-γa ğalĉi polip .*
прежде я богач-DAT батрак POST
ište-ge-m
работать-PF-1SG
'Раньше я работал на богача батраком.'

Наречия и числительные как депиктивы

Наречия образуют только субъектные депиктивы во всех тюркских языках, но количество наречных депиктивов в основном ограничено наречиями с семантикой 'вместе' или 'одиноко' и наречием 'с босыми ногами'; см. (9).

- (9) а. шор. *Olar qada ğat-qan-nar.*
они вместе жить-PF-PL
'Они жили вместе.' – субъектный контроллер.

- б. тув. *Olar qadı čurtta-p tur-γan-nar.*
они вместе жить-GER стоять:AUX-PF-PL
'Они жили вместе.' – субъектный контроллер.
- в. *Ol čayın kezääde qızıl-davan qılaš-tur.*
он летом всегда босой ходить-PRS
'Он всегда ходит босой летом.' – субъектный контроллер.

Собирательные и разделительные числительные образуют и субъектные и объектные депиктивы; см. (10).

- (10) а. шор. *Olar ijg-ele čat-qan-nar.*
они два-COLL жить-PF-PL
'Они жили вдвоем.' – субъектный контроллер.
- б. *Bir-er gir-eer!*
один-DISTR входить-IMP.2PL
'Входите по одному!' – субъектный контроллер.
- в. *Bir-er al-aar!*
один-DISTR брать-IMP.2PL
'Берите (их) по одному!' – объектный контроллер.

Инфинитные формы глагола в функции депиктивов

В функции депиктивов выступают только так называемые моносубъектные деепричастия [Черемисина, 1977], или деепричастия с имплицитной субъектной референцией – “implicit subject converbs” [Haspelmath, 1995, p. 9]. В функции депиктивов они контролируются субъектом предложения, принадлежат к той же просодической единице, что и основной предикат, и разделяют с ним модальные и прагматические характеристики (сферу действия отрицания, достоверность / недостоверность действия и т. д.). Отсутствие собственных модальных характеристик в совокупности с особенностями интонации и вхождением в просодическую единицу главного предиката являются основными отличительными чертами и причастных депиктивов. К этому нужно добавить принадлежность и главного глагола и глагола в инфинитной форме, причастной или деепричастной, к определенным семантическим классам. Тем не менее не всегда очевидно различие между обстоятельством, выраженным деепричастием, или предикативным определением, выраженным причастием, от депиктивов в форме того же деепричастия или причастия. Тут можно применить дополнительные критерии их различения. Например, деепричастие в функции обстоятельства образа действия, наиболее близкое к депиктивам по всем своим характеристикам, должно разделять с главным глаголом некоторые семы; так в *говорить заикаясь*¹, оба глагола, *заикаться* и *говорить*, имеют сему говорения в своей семантике. Соответственно, глагол и деепричастие наиболее тесно объединяются в группу основного действия и характеристики его образа действия, хотя и субъектная валентность у *заикаясь* присутствует. В противоположность им, во фразе *ушла сердясь* (т. е. будучи сердитой) семантическая связь с субъектом намного сильнее, чем с основным глаголом,

¹ Мы осознанно не ставим тут и далее запятой, так как эта фраза обычно произносится без паузы между двумя глаголами.

сердась тут является депиктивом, обозначающим сопутствующее главному глаголу действие.

Большинство инфинитных глагольных форм не выступают в функции депиктивов. Мы смогли зафиксировать эту функцию у тюркских деепричастий на *-(I)p* (11в), у тувинского деепричастия на *-GAŝ* (11г) и у южносибирского перфектного причастия на *-GAn* (11а), (11б). Деепричастия в этой функции являются депиктивами сопутствующего действия, а причастный депиктив выражает состояние субъекта, которое он приобретает в результате действия глагола, от которого данная инфинитная глагольная форма образована.

- (11) а. тув. *Ol bis-ten xoradaan ĉor-u*
она мы-ABL злиться:PF.PRT идти-CV
bar-d-ï.
идти:AUX-PST-3
'Она ушла от нас рассерженной.'
- б. *Men ŝilaan ŝay iŝ-ip*
я устать:PF.PRT чай пить-CV
or-yan (olur-yan) men.
сидеть:AUX-PF я
'Я пила чай притомившаяся.'
- в. *Ol bis-ten xorada-p ĉor-baan.*
он мы-ABL рассердиться-CV идти-PF.NEG
'Он не ушел от нас сердась.'
- г. *Ol xorada-y ber-geŝ ĉor-upqan.*
он сердитья-GER дать:aux-CV идти-PF
'Он ушел сердась.'

3. Депиктивные второстепенные предикаты со своим собственным грамматическим субъектом

Структурно-семантические типы депиктивов, описанные в разделе 2, уже выделялись для ряда тюркских языков [Schroeder, 2008; Nevskaya, 2008; Nevskaya, Tazhibaeva, 2010]. Депиктивные конструкции, являющиеся темой данного раздела, пока что описывались нами только в уйгурском языке [Memtimin, Nevskaya, 2012]. В этой работе отмечалось, что конструкции типа *könli yerim* (12а), *qorsiqim aĉ* (12б), *iŝtini yirtiq* (12в) считаются придаточными именными предложениями в формально разносубъектных сложноподчиненных предложениях, так как их главная и зависимая части имеют свое грамматическое подлежащее. С другой стороны, их семантический субъект един, так как в роли грамматического подлежащего придаточного предложения в них выступает неотъемлемая часть референта субъекта главного предложения: материальная (физическая часть его тела) или идеальная (его личные качества). О тесной, даже неразрывной, связи

референтов субъектов главного и зависимого предложений свидетельствует ко-референтный с субъектом главной клаузы посессивный показатель на имени, выражающем субъект зависимой. Возможность образовывать формально разносубъектные полипредикативные конструкции так называемыми моносубъектными деепричастиями в шорском и иных тюркских языках Сибири отмечалась нами ранее [Невская, 1990; 1993; 1998]. Такие конструкции могут отвечать всем требованиям депиктивных конструкций; тест на скопус отрицания показывает их включение в сферу действия отрицания главного предиката, они включены в просодическую единицу главного предиката. Они имеют семантические ограничения: в дополнение к тому, что их грамматический субъект является некоей физической, психической или интеллектуальной «частью» референта грамматического субъекта главной части: такие депиктивы выражают некое состояние субъекта главного действия, см. (12а)–(12в). Их контроллером является субъект главной части – посессор субъекта зависимой.

- (12) уйг. а. *U könl-i yerim qayt-ip*
он сердце-POSS3 половина вернуться-CV
käl-d-i.
прийти-PST-3
'Он вернулся расстроенным (досл.: сердце его половиной).'
- б. *Män qorsiq-im ač tört kün*
я желудок-POSS1 голодный 4 день
tala-da yür-d-üm.
снаружи-LOC ходить-PST-1SG
'Я бродил вне дома четыре дня голодный (досл.: желудок мой голодный).'
- в. *U iştin-i yirtiq qayt-ip*
он брюки-POSS3 разорванный вернуться-CV
käl-d-i.
прийти-PST-3
'Он вернулся с разорванными брюками.'

Такие конструкции напоминают нам русские депиктивы типа (13), которые описывают положение частей тела субъекта главной части.

- (13) рус. а. *Он шёл руки в*
он идти:PST:3SG:masc рука:PL:NOM в
брюки.
брюки:PL:ACC
'Он шёл с руками (в карманах) брюк.'
- б. *Она стояла руки в боки.*
она стоять:PST:3SG:fem рука:PL:NOM в бок:PL:ACC
'Она стояла с руками, упертыми в бока'.

Аналогичные конструкции имеются и в других тюркских языках; см. (14).

- (14) шор. а. *Pala-zī čoq nan-d-i.*
ребенок отсутствующий вернутьсяPST-3
'Она вернулась без своего ребенка (досл.: ребенок отсутствующий).'

- б. *Sayıž-i*   *çoq*   *kel-d-i*.
 ум-POSS3   отсутствующий   прийти-PST-3
 ‘Она приехала (совершенно) лишившись разума
 (досл.: ум отсутствующий)’.

Такие депиктивные конструкции имеют тенденцию к лексикализации и превращению в аналитические наречия или прилагательные, как в тюркских, так и в русском языке. Так, южносибирские привативные прилагательные *sayıž çoq* ‘безумный’ и *pala çoq* ‘бездетный’ являются такими лексикализовавшимися депиктивными конструкциями. Прилагательное *azaγ aar* ‘беременная’ в хакасском языке имеет также происхождение от синтаксической конструкции, где *azaγi* ‘нога, ноги’ являлось подлежащим, обязательно оформленным посессивным показателем, кореферентным с лицом, чьи ноги имеются в виду, а *aar* ‘тяжелый’ предикатом, т. е. досл.: ‘ноги её тяжелые’.

Оказавшись в позиции депиктива, такие конструкции имели тенденцию к лексикализации. От использовавшихся в (14) депиктивных конструкций такие привативные прилагательные отличаются отсутствием посессивного оформления на первом члене – бывшем зависимом субъекте депиктивной конструкции. То, что депиктивы не имеют собственных модально-прагматических характеристик и не образуют отдельной просодической единицы, как нам представляется, способствует их лексикализации.

Заключение

Наше исследование показало, что как семантические типы депиктивных предикатов являются в основном общими для всех южносибирских тюркских языков, так и в значительной степени способны их выражения. Тем не менее депиктивы имеют особенности выражения в разных тюркских языках Сибири. Особенно значительные различия наблюдаются в выражении одной и той же семантики с разными контроллерами.

Значительны отличия сибирских тюркских языков в способности использовать прилагательные без какого-либо грамматического оформления в функции депиктивов, что совершенно нормально для огузских и кыпчакских тюркских языков. Использование таких депиктивов в шорском и хакасском не имеет особых ограничений, а вот в алтайском и тувинском они очень редки; в этой функции используются только отдельные неформленные прилагательные, причем только как субъектные депиктивы. Для выражения объектных депиктивов тут прилагательное получает обязательное оформление дательным падежом.

Общими для всех тюркских языков являются депиктивы, выраженные наречиями, собирательными и разделительными числительными, именами в инструментальном падеже, прилагательными обладания / необладания предметом, от-

дельными деепричастиями и причастиями, именами с послелогоми типа *болып* (от глагола *бол-* ‘быть’ в форме деепричастия на *-(Ы)п*). В большинстве тюркских языков *болып* противопоставлен *кылып* (от глагола *кыл-* ‘делать’ в форме деепричастия на *-(Ы)п*) в том, что *болып* употребляется при субъектном контроллере, а *кылып* – при объектном. Сибирские тюркские языки *кылып* не используют.

От тюркских языков Средней Азии депиктивы в южносибирских тюркских языках отличаются тем, что в них нет того богатого арсенала абстрактных существительных со значением ‘состояние, форма’, заимствованных из арабского или персидского языков, как в тюркских языках мусульманских народов, где такие абстрактные существительные в падежной форме локатива в сочетании с прилагательным образуют наиболее многочисленную группу депиктивов. Вместо них используются прилагательные, оформленные дательным падежом или послелогоми, восходящими к бытийным глаголам-связкам. Это особенно ярко проявляется в тувинском языке.

Мы выделяем особый тип депиктивных конструкций, которые имеют свой собственный грамматический субъект, т. е. формально представляют собой отдельную предикативную единицу. Такие депиктивы имеют особые ограничения на свою структуру и семантику: их субъект получает обязательное посессивное оформление и представляет собой физическую или иную часть субъекта главной части; такие депиктивы выражают физическое или психическое состояние субъекта главной части. Они имеют тенденцию подвергаться лексикализации и превращению в составные прилагательные или наречия.

Список литературы

Невская И. А. Основные типы именных и глагольных сказуемых в шорском языке // Качество подготовки и проблемы повышения конкурентоспособности выпускников педвузов на рынке труда: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. С. М. Редлиха и др. Новокузнецк, 1998. С. 64–71.

Невская И. А. Деепричастия как результативные второстепенные предикаты в тюркских языках Южной Сибири // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov.* Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова / Отв. ред. А. Х. Гирфанова, И. А. Невская, Е. А. Оганова. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 307–315.

Невская И. А. Депиктивные второстепенные предикаты в тюркских языках // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании / Под ред. В. А. Кочергиной. М.: Добросвет, 2011б. С. 171–175.

Невская И. А. Депиктивные конструкции в южносибирских тюркских языках // Сборник тезисов докладов 26-й Международ. конф. «Дульзоновские чтения». Томск: ТГПУ, 2011а. С. 59–64.

Невская И. А. Состав и функции деепричастий в шорском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: Ин-т языкознания Каз. ССР., 1990. 244 с.

Невская И. А. Формы деепричастного типа в шорском языке. Новосибирск, 1993. 124 с.

Тыбыкова А. Т. Типы именного сказуемого в алтайском языке // Компоненты предложения (на материале языков разных систем) / Под ред. Е. И. Убрятовой. Новосибирск, 1988. С. 52–67.

Черемисина М. И. Деепричастие как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 3–28.

Auwera J. van der, Malchukov A. A semantic map for depictive adjectival // Himmelmann N. P., Schultze-Bernd E. (eds.). Secondary predication and adverbial modification. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 393–421.

Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English. Part 1 // Journal of Linguistics. 1967. No. 3. P. 37–81.

Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath M., König, E. (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–56.

Koizumi M. Secondary predicates // Journal of East Asian linguistics. 1994. № 3. С. 24–79.

Memtimin A., Nevskaya I. Depictive secondary predicates in Modern Uyghur // Turkic languages. 2012. Vol. 16, no. 1. P. 80–94.

Nevskaya I. A. Subject valency of Shor gerunds // Johanson L. et al. (eds.). The Mainz Meeting: Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics. August 3–6. 1994. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. P. 234–243.

Nevskaya I. Depictive secondary predicates in South Siberian Turkic // Schroeder Ch. et al. (eds.). Secondary predicates in Eastern European languages and beyond. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2008. S. 275–295. (Studia Slavica Oldenburgensia. 16)

Nevskaya I. Converbs as depictive secondary predicates in South Siberian Turkic // Boeschoten H., Rentzsch J. (eds.). Turcology in Mainz. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. P. 91–200. (Turcologica 80).

Nevskaya I. A. Converbs as secondary resultative predicates in Turkic languages // Demir N., Karakoç B., Menz A. (eds.). Turcology and Linguistics. Éva Ágnes Csató Festschrift. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 2014. P. 305–313.

Nevskaya I., Tazhibaeva S. Depictive predicates in Kazakh in a comparative perspective // The Szeged Conference. Proceedings of the 15th ICTL. Szeged, 2012. P. 331–340.

Nichols J. Secondary predicates // Proceedings of the Berkeley Linguistics Society. 1978. № 4. P. 114–127.

Paul H. Deutsche Grammatik. Halle/Saale, 1919. Bd. 3.

Pinkster H. Lateinische Syntax und Semantik. Tübingen: Franke, 1988. 424 p.

Plank F. Prädikativ und Koprädikativ // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 1985. № 13. P. 154–185.

Schroeder Ch. Depiktive im Sprachvergleich Deutsch-Türkisch. Eine kontrastiv-typologische Analyse. Habilitationsschrift. Osnabrück, 2004. 440 S.

Schroeder Ch. et al. (eds.). Secondary predicates in Eastern European languages and beyond. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2008. (Studia Slavica Oldenburgensia. 16)

Schultze-Bernd E., Himmelmann N. P. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective // Linguistic typology. 2001. № 8. P. 59–131.

Сокращения в глоссах

AOR	Aorist	IND	Indirective
ACC	Accusative	INF	Infinitive
ABL	Ablative	INST	Instrumental
AUX	Auxiliary (element)	LOC	Locative
CONV	Converb	NEG	Negation
COND	Conditional	PRT	Participle
DAT	Dative	PL	Plural
DEM	Demonstrative	POSS	Possessive
DIR	Directive	PF	Perfect
FUT	Future	PST	Past
GEN	Genitive	PRS	Present
IMP	Imperative	PTL	Particle
IMPF	Imperfect	SG	Singular

Article metadata

Title: Different Subject Constructions with Depictive Secondary Predicates in South Siberian Turkic

Author: I. A. Nevskaya

Author's e-mail: nevskayairina60@gmail.com

Author's affiliation: Institute of Philology SB RAS

Abstract. Specific syntactic constructions of complex predicates that assign more than one predicate to their semantic subject are well known cross-linguistically. Examples of such constructions are structures such as *He returned tired, lived alone, worked as a teacher*, etc. They contain two semantic predicates – a main one expressed by a finite verb form, and a secondary one, often expressed by a nominal form or an infinite verb form. Our research has shown that depictive predicates have their structural and functional peculiarities in different South Siberian Turkic languages, compared between themselves and with depictives in Oguz and Kypchak languages.

The article deals with South Siberian depictive secondary predicates and describes their semantic and structural types. A special attention is paid to depictive predicates having a subject, different from the subject of the main predicate.

Key terms: South Siberian Turkic languages, depictive secondary predicates, structural and semantic types, lexicalization.

Reference literature (in transliteration):

Auwera J. van der, Malchukov A. A semantic map for depictive adjectival. In: Himmelmann N. P., Schultze-Bernd E. (eds.). *Secondary predication and adverbial modification*. Oxford, Oxford University Press, 2005, p. 393–421.

Cheremisina M. I. *Deeprichastie kak klass form glagola v yazykakh raznykh system* [Converbs as a class of verbal forms in languages of different systems]. In: *Slozhnoe predlozhenie v yazykakh raznykh system* [Complex sentences in languages of different systems]. Novosibirsk, NSU Press, 1977, p. 3–28. (in Russ.)

Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English. Part 1. *Journal of Linguistics*, 1967, no. 3, p. 37–81.

Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category. In: Haspelmath M., König, E. (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1995, p. 1–56.

Koizumi M. Secondary predicates. *Journal of East Asian linguistics*, 1994, no. 3, p. 24–79.

Memtimin A., Nevskaya I. Depictive secondary predicates in Modern Uyghur. *Turkic languages*, 2012, vol. 16, no. 1, p. 80–94.

Nevskaya I. A. Deeprichastiya kak rezul'tativnye vtorostepennye predikaty v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Converbs as resultative predicates in South Siberian Turkic]. In: Alkış bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov. Sbornik statey k 80-letiyu D. M. Nasilova [A collection of articles on occasion of the 80th birthday of D. M. Nasilov]. Eds. A. Kh. Girfanova, I. A. Nevskaya, E. A. Oganova. Moscow, Izdatel'stvo MBA, 2015, p. 307–315. (in Russ.)

Nevskaya I. A. Depiktivnye vtorostepennye predikaty v tyurkskikh yazykakh [Turkic depictive secondary predicates]. In: *Sinkhronnoe i diakhronnoe v sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii* [Synchrony and diachrony in comparative linguistics]. Ed. by, V. A. Kochergina. Moscow, Dobrosvet, 2011, p. 171–175. (in Russ.)

Nevskaya I. A. Osnovnye tipy imennykh i glagol'nykh skazuemykh v shorskom yazyke [Main types of nominal and verbal predicates in Shor]. In: *Kachestvo podgotovki i problemy povysheniya konkurentosposobnosti vypusnikov pedvuzov na rynke truda. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Quality of training teachers and raising their competitiveness on the labour market]. Eds. S. M. Redlikha et al. Novokuznetsk, NSPI Press, 1998, p. 64–71. (in Russ.)

Nevskaya I. A. Subject valency of Shor gerunds. In: Johanson L. et al. (eds.). *The Mainz Meeting: Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics*. August 3–6. 1994. Wiesbaden, Harrassowitz, 1998, p. 234–243.

Nevskaya I. Converbs as depictive secondary predicates in South Siberian Turkic. In: Boeschoten H., Rentzsch J. (eds.). *Turcology in Mainz*. Wiesbaden, Harrassowitz, 2010, p. 91–200. (Turcologica 80)

Nevskaya I. Depictive secondary predicates in South Siberian Turkic. In: Schroeder Ch. et al. (eds.). *Secondary predicates in Eastern European languages and beyond*. Oldenburg, BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2008, p. 275–295. (Studia Slavica Oldenburgensia. 16)

Nevskaya I. A. Converbs as secondary resultative predicates in Turkic languages. In: Demir N., Karakoç B., Menz A. (eds.). *Turcology and Linguistics*. Éva Ágnes Csató Festschrift. Ankara, Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 2014, p. 305–313.

Nevskaya I. A. Depiktivnye konstruksii v yuzhnosibirskikh tyurkskikh yazykakh [Depictive constructions in South Siberian Turkic]. In: *Sbornik tezisov dokladov 26 Mezhdunarodnoy konferentsii «Dul'zonovskie chteniya»* [Proceedings of the 26th International Dulzon Conference]. Tomsk, TSPU Press, 2011, p. 59–64. (in Russ.)

Nevskaya I. A. Formy deeprichastnogo tipa v shorskom yazyke [Forms of converb type in Shor]. Novosibirsk, NSU Press, 1993, 124 p. (in Russ.)

Nevskaya I. A. Sostav i funktsii deeprichastiy v shorskom yazyke [Inventory and functions of converbs Shor]. PhD. Dissertation. Alma-Ata, Institut yazykoznaniya Kaz. SSR, 1990, 244 p. (in Russ.)

Nevskaya I., Tazhibaeva S. Depictive predicates in Kazakh in a comparative perspective. In: The Szeged Conference. Proceedings of the 15th ICTL. Szeged, 2012, p. 331–340.

Nichols J. Secondary predicates. In: *Proceedings of the Berkeley Linguistics Society*, 1978, no. 4, p. 114–127.

Paul H. Deutsche Grammatik. Halle/Saale, 1919. Bd. 3.

Pinkster H. Lateinische Syntax und Semantik. Tübingen, Franke, 1988, 424 S.

Plank F. Prädikativ und Koprädikativ. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*, 1985, no. 13, p. 154–185.

Schroeder Ch. Depiktive im Sprachvergleich Deutsch-Türkisch. Eine kontrastiv-typologische Analyse. Habilitationsschrift. Osnabrück, 2004, 440 S.

Schroeder Ch. et al. (eds.). Secondary predicates in Eastern European languages and beyond. Oldenburg, BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2008. (Studia Slavica Oldenburgensia. 16)

Schultze-Bernd E., Himmelmann N. P. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective. *Linguistic typology*, 2001, no. 8, p. 59–131.

Tybykova A. T. Tipy imennogo skazuemogo v altayskom yazyke [Types of nominal predicates in Altai]. In: Ubryatova E. I. (red.). Komponenty predlozheniya (na materiale yazykov raznykh sistem) [Sentence components (on the material of languages of different systems)]. Novosibirsk, IIFF SO RAN, 1988, p. 52–67. (in Russ.)